ЮРИЙ НАГИБИН

НАУКА ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

SHOUT
SHARE
IT

- Юрий Маркович Нагибин

Юрий Маркович Нагибин
Кошка, голуби и Тинторетто

От нашей гостиницы на улице Скиавоне до улицы Тинторетто, где находится расписанная им скуола ди Сан-Рокко, путь немалый, если судить по карте, но я решил проделать его пешком. За неделю, проведенную в Венеции, я убедился, что тут нет больших расстояний. Перепут узких улочек и горбатых мостиков быстро выводит к любому месту, которое на красно-синей карте кажется бесконечно далеким. Прежде всего надо было попасть на другую сторону канала. Я пошел от площади Сан-Марко, пустынной в этот утренний час, не забитой туристскими толпами, гидами, фотографами, продавцами искусственных летающих голубей, ползающих змей и бешено вращающихся на резинке светящихся дисков, горластыми слепцами, предлагающими лотерейные билеты, томно-неопрятными венецианскими детьми. Даже голубей не было — раздувшись для тепла, они сидели на крышах и карнизах окружающих площадь зданий.

Маршрут я выбрал по улице пророка Моисея, по широкой улице 22 марта к площади Морозини, откуда уже виднеется горбатый мост Академии. За мостом начинается самая сложная и путаная часть пути. Проще было добраться через мост Риальто, но мне хотелось еще раз зайти в музей Академии и глянуть на «Чудо св. Марка» Якопо Робусти, прозванного Тинторетто, что значит «маленький красильщик». Кличку дали ему в детстве, когда он работал в мастерской своего отца. Я полюбил прекрасное и странное полотно Робусти по репродукциям. Святой спускается с неба к распростертому на земле мученику вверх тормашками. Словно он кинулся с небесной тверди, как ныряльщик с вышки, — вниз головой. На всех известных мне картинах небожители нисходят самым корректным образом: в блеске и славе, ногами вниз, головой, осиянной нимбом, вверх. Святой садится на землю, как дикий гусь, далеко и прямо пустив под себя ноги. А здесь он летит кувырком в великой спешке, чтобы сотворить свое чудо. Удивительно мускулистое и по-земному сочное зрелище. В этой сложной многофигурной композиции, на редкость единой и цельной, притягивает взгляд молодая женщина в золотистом платье с младенцем на руках. Она изображена сзади в сильном и женственном полуповороте к распростертому на земле мученику. Стоя перед картиной, я хотел понять, что возбуждало творческую волю Тинторетто, кого он здесь любил? Конечно, летящего вниз

головой святого, эту молодую, холодно любопытную, но прекрасную упругой статью женщину и еще двух-трех резко выразительных персонажей в толпе, но только не мученика — голого, бессильного, неспособного к протестующему усилию. Было что-то кощунственное в этой яростной картине, столь далекой от обычной трактовки религиозных сюжетов.

На маленькой площади перед храмом св. Видаля я чуть задержался. Кто-то уже позаботился о голубях, рассыпав им корм, и оголодавшие за ночь стаи слетелись сюда на пиршество. Голуби толкались, ссорились, взмахивали крыльями, подпрыгивали, с остервенением клевали зерно, не обращая внимания на пушистую рыжую кошку, изготовившуюся к прыжку. Меня заинтересовало, чем кончится охота. Голуби казались совсем беззащитными перед ловким и быстрым зверем, к тому же алчность притупляла инстинкт самосохранения. Но ведь кошка не торопится, тщательно рассчитывает прыжок, значит, не так уж просто сцапать голубя.

Безмятежность голубей словно провоцировала кошку на бросок. Но крошечная тигрица была опытным охотником. Медленно, почти неощутимо подползала она к стае и вдруг замирала, словно всякая жизнь останавливалась в ее худом под рыжей пушистой шкурой тельце. И я заметил, что суматошливая голубиная толпа с каждым подползом кошки отодвигалась от нее ровно на столько, на сколько она сокращала разрыв. Ни один голубь в отдельности не заботился о своей безопасности — защитный маневр безотчетно и точно производила общая голубиная душа.

Наконец кошка изловчилась и прыгнула. Сизарь выскользнул из ее лап, поплатившись одним-единственным серым с приголубью перышком. Он даже не оглянулся на своего врага и продолжал клевать зерна ячменя и конопляное семя. Кошка нервно зевнула, открыв маленькую розовую пасть с острыми зубками, расслабилась, как это умеют лишь кошки, и вновь сжалась, собралась. Ее зеленые глаза с узким рассеком зрачка не мигали. Кошка, похоже, хотела прижать жадную стаю к увитой бугенвилиями стене, но голубиная масса не просто отступала, а поворачивалась вокруг незримой оси, сохраняя вокруг себя простор площади.

…Четвертый прыжок кошки достиг цели, голубь забился в ее лапах. Кажется, это был все тот же голубь, которого она облюбовала с самого начала. Быть может, у него был какой-то ущерб, лишающий его ловкой подвижности собратьев, неправильность в сложении, делающая его более легкой добычей, чем остальные голуби. А может, то был неопытный молодой

голубь или больной, слабый. Голубь забился у нее в лапах, но как-то бессильно, словно не веря в свое право на освобождение. Остальные продолжали насыщаться как ни в чем не бывало.

Стая делала все, что могла, для коллективной безопасности, но раз жертвы избежать не удалось, спокойно поступилась своим неполноценным сородичем. Все произошло в рамках великой справедливости и беспристрастия природы.

Кошка не торопилась разделаться с голубем. Она вроде бы играла с ним, позволяя биться, терять пух и перья. А может, кошки вообще не едят голубей?.. Так что же это — выбраковка дефектной особи? Или тренировка хищника?.. Я мучился, не понимая, имею ли право вмешаться в круговерть неподсудных человеку сил, и тут какой-то прохожий швырнул в кошку блокнотом, угодив ей в бок. Та мгновенно выпустила голубя, в невероятном прыжке взвилась на забор и скрылась. Голубь отряхнулся и, оставив по себе горку сизого пуха, заковылял к стае. Он был сильно помят, но отнюдь не выглядел потрясенным и все так же хотел жрать.

Я злился на себя. Есть положения, когда надо не рассуждать, взвешивать все «за» и «против», а действовать. Когда правда только в жесте, в поступке. Я же мог сразу прогнать кошку, но относился к происходящему эстетически, а не этически. Меня восхищало и поведение кошки, и поведение голубей, и в том, и в другом была своя пластическая красота, и которой исчезал жестокий смысл происходящего. Лишь когда голубь забился в когтях, я вяло вспомнил о нравственной сути дела. А прохожий не рефлектировал, просто сделал жест доброты…

В главном зале музея Академии прямо напротив «Чуда св. Марка» висит «Ассунта» Тициана. Страшно сказать, но дивная живопись Вичелио блекнет рядом с неистовством венецианского Микеланджело. Но есть в полотно Тициана то, что вовсе отсутствует у Тинторетто, — старший мастер думал о боге, когда писал. А Тинторетто создал не чудо св. Марка, а фокус св. Марка. А ведь Тициан куда телеснее, куда приземленнее Тинторетто, уже шагнувшего к той духовности, бесплотности, что будут отличать его великого ученика Эль Греко…

Скуола — это место для религиозно-философских рассуждений и споров, призванных открыть высшую истину. Когда братство ди Сан-Рокко решило декорировать фресками верхнее помещение, оно объявило конкурс, призвав к нему лучших венецианских художников. Надо было представить эскиз росписи плафона для Зала Совета. И Паоло Веронезе, и Андреа Скиавоне так и сделали, а Тинторетто, угадавший свою художническую судьбу, совершил невероятное: написал огромное,

исполненное яростного вдохновения полотно. Его соперники почтительно самоустранились, и он приступил к осуществлению главного дела своей жизни. Созданное Тинторетто по мощи и художественной полноте можно сравнить лишь с «Сикстинской капеллой», а по исчерпанности самовыражении с росписью доминиканского монастыря св. Марка во Флоренции братом Беато Анжелико.

Сюжеты фресок традиционные: легенда о Христе. Тинторетто как будто задался целью вскрыть ту чудовищную энергию, которая, выражаясь современным языком, «аккумулирована» в краткой жизни Сына человеческого. Начинается с Благовещения, где крылатый св. Георгий в сопровождении ангелов могучей птицей врывается в тихий покой девы Марии, проломив стену. Надо долго и пристально вглядываться в картину, дабы обнаружить, что Тинторетто не нарушил канона, за что художников предавали церковному суду, и архангел со свитой влетает в окна. Но и разобравшись в этом, вы продолжаете видеть пролом в стене, ибо сам Тинторетто не мог иначе представить себе явление богова посланца с такой вестью. Громадная энергия вскрыта художником в тихом, благолепном поклонении волхвов; на заднем плане гарцуют призрачные кони, созданные кистью настоящего импрессиониста. Что ж говорить об «Избиении младенцев», где огненный темперамент мастера, а равно и его импрессионистическая манера получили полную свободу. Соблазн и кощунство в этой картине, где перед восхищенным экспрессией зрелища глазом художника равны жертвы и палачи. Но предела неистовства Тинторетто достигает в «Распятии». Многие большие художники писали Голгофу, каждый по-своему, но у всех эмоциональный центр картины — распятый Христос. У Тинторетто Христос — формальный центр картины. Огромная фреска представляет собой апофеоз движения. Голгофа? Да нет, стройплощадка во время аврала. Все в работе, все в движении, в предельном и каком-то радостном напряжении сил. И те, что еще возятся с распятым Христом, и те, что водружают крест с прибитым к нему разбойником, и те, что приколачивают к перекладинам другого разбойника, и те, что копают яму в правом углу картины, и те, что горячат коней в чудовищном возбуждении. Даже группе скорбящих на переднем плане не подарил художник покоя боли. Выпадает из живого буйного действа распятый на кресте атлетически сложенный Христос. Лицо его скрыто в наклоне, поза на редкость невыразительна и нетрогательна. Он исключен из деятельной жизни и потому неинтересен Тинторетто. Художник откупился от Христа огромным кругом очень холодного сияния, а всю свою могучую

душу, всю страсть отдал тем, кто живет и делает. Совсем иным предстает Христос на фресках «Се человек», «Крестная ноша», «Вознесение», здесь он включен в мировое напряжение и потому желанен кисти Тинторетто. Все же Тинторетто лишен истинно религиозного чувства, его бог — пластика, движение. Он и за кошку, и за голубя, если они верны своему предназначению, своим инстинктам и месту, определенному им в природе. Больше всего он любит потную работу, так прекрасно напрягающую человеческое тело, будь то работа землероба, воина, чудотворца и даже палача. Лишь бы гудели мускулы и звенели сухожилия. Церковники привлекали к суду живописцев, нарушивших канон: не тот размах крыльев у архангела и прочая чепуха, но проглядели дерзостный разгул, учиненный Тинторетто в их собственном доме. Есть великая ирония в том, что братья скуолы ди Сан-Рокко привлекли к богову делу человека на редкость далекого от неба.

Тинторетто гениален и трагичен в этих фресках, но мало поэтичен, если исключить две небольшие картины со стаффажными фигурами Марии Египетской и Марии Магдалины. А поэтичен он в иных «светских» картинах: «Суссане», «Нарциссе» и в таинственном полотне «Спасение Арсинои», где закованный в латы рыцарь опускает в утлую лодку нагую красавицу.

Я пишу все это, зная, что Гёте, восхищаясь «Раем», одной из последних картин старого Тинторетто, называл ее «предельным славословием Господу». Быть может, в исходе жизни Тинторетто пришел к тому, чего я никак не мог обнаружить в его «библейской» серии. Нет, не чуду Бога, а чуду Человека поклонялся художник. Но ведь бывает, что даже заядлый безбожник в близости смерти тянется к кресту.